

«ОРГАНИЧЕСКАЯ» КОНЦЕПЦИЯ КООРДИНАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: НЕОАВСТРИЙСКИЙ ПОДХОД

Н. В. Половинкина

В статье исследуются специфические особенности и отличия австрийской школы от неоклассического равновесного подхода, доминирующего в современной экономической теории, в трактовке координации экономической деятельности. Выделены два основных направления анализа — концепция конкурентного порядка Ф. Хайека и концепция свободного предпринимательства И. Кирцнера и их современные интерпретации.

Австрийская теория по ряду направлений экономического анализа существенно отличается от основного течения современной экономической мысли, прежде всего, в оценке роли равновесного подхода к объяснению процессов координации экономической деятельности. В работе «Индивидуализм и экономический порядок» Ф. Хайек отмечает, что равновесный анализ сводит экономическую теорию в раздел формальной логики, не подлежащей никакой проверке, кроме проверки на внутреннюю непротиворечивость. Основное содержание равновесного анализа составляет систему тавтологий — набор самоочевидных утверждений, являющихся лишь преобразованиями начальных допущений. В равновесном анализе проблема координации экономической деятельности рассматривается решенной, в то время как задача заключается в том, чтобы показать, каким образом она решается. Представители австрийской школы подчеркивают: неоклассический подход не в состоянии ответить на вопрос, как достигается рыночное равновесие, и даже закрывает путь к ответу на данный вопрос.

В австрийской теории проблема координации экономической деятельности занимает центральное место, сама экономическая теория рассматривается как наука о законах координации, «проливающих свет на общест-

венные процессы» [8, с. 12], однако единства мнений относительно способов ее решения не сложилось. Можно выделить два подхода к интерпретации природы процесса координации — концепцию конкурентного порядка Ф. Хайека и концепцию свободного предпринимательства И. Кирцнера.

Взгляд Ф. Хайека на природу координации экономической деятельности опирается на признание в качестве главной экономической проблемы общества длительность адаптации хозяйственных субъектов к изменениям конкретных обстоятельств времени и места. Приспособление к меняющейся ситуации происходит, по Хайеку, в процессе конкурентной борьбы, осуществляющейся методом проб и ошибок, когда индивидуальные участники, стремясь превзойти друг друга, постепенно познают необходимую для принятия хозяйственных решений информацию. Процесс конкуренции при таком подходе предстает в виде последовательности событий, т. е. как динамический процесс, в котором решения хозяйственных субъектов следуют друг за другом во времени и неизбежно влияют друг на друга.

Австрийская школа подчеркивает принципиальные расхождения с неоклассикой в трактовке природы конкуренции. В основе неоклассического равновесного анализа лежит

модель «совершенной конкуренции», которая, как заметил Ф. Хайек, вообще имеет мало прав называться конкуренцией, поскольку предполагает уже существующим то положение вещей, на создание которого (или приближение к нему) устремлен процесс конкуренции. Совершенная конкуренция предполагает ситуацию, при которой отдельные участники рыночных отношений своими индивидуальными действиями не в состоянии изменить условия купли-продажи товаров, и прежде всего — рыночные цены. Следовательно, в неоклассической модели конкуренции по определению исключаются действия, составляющие смысл конкурентной борьбы. Поэтому абсолютно нелепо, замечает Ф. Хайек, считать такой эталон совершенства желательным или ставить целью его достижение, тем более что создать его невозможно «никакими известными средствами» [9, с. 120].

Если в концепции Ф. Хайека «факты будут открываться только через процесс конкуренции» [9, с. 115], то И. Кирцнер подчеркивает роль предпринимателей в осознании необходимой для координации экономической деятельности информации. Предпринимательский элемент в экономическом поведении участников рынка заключается, по Кирцнеру, в их бдительности к ранее незамеченным изменениям в обстоятельствах, влияющих на возможность извлечения прибыли. Чтобы воспользоваться имеющимися возможностями, их необходимо осознать. И. Кирцнер разграничивает две группы стимулов, способных побудить принимающих решения субъектов осознавать благоприятные возможности. Первая группа стимулов необходима, когда возможность извлечения прибыли уже осознана; вторая — предназначена «пробуждать бдительность к вероятности существования еще неосознанной возможности» [2, с. 243]. Предпринимательство, по Кирцнеру, базируется на второй группе стимулов. В отличие от неоклассического подхода, в рамках которого предполагается, что необходимая информация доступна, бесплатна и мгновенно становится известной всем участникам рыночных отношений во всех своих аспектах, И. Кирцнер подчеркивает: наличие рыночной информации еще не гарантирует, что она будет замечена. Побудительным мотивом распространения знания в рыночной среде является, по Кирцнеру, «предпринимательский нюх на прибыль».

По мере роста информированности предпринимателей об альтернативных рыночных предложениях возможности извлечения при-

были сокращаются и, соответственно, преодевается рассогласованность в решениях и действиях различных участников рынка. Если бы все решения стали полностью согласованными, исчерпались бы возможности предложить рынку более привлекательные альтернативы. В этом случае (в состоянии равновесия) рыночный процесс прекращается, и конкуренция перестает быть движущей силой. Предпринимательство и конкуренция в концепции И. Кирцнера аналитически неразделимы. Это две стороны рыночного процесса, обеспечивающие движение от неравновесия к равновесию, от несовершенного знания к совершенному знанию, от нескоординированности к скоординированности.

Представители австрийской школы не отрицают существующей в экономической системе тенденции к равновесию; главным пороком модели Вальраса считают ее статический характер. Неоклассическая модель общего равновесия предполагает взаимодействие величин, которые в реальной жизни никогда не проявляются одновременно, а лишь последовательно, по мере того как действия участников хозяйственного процесса «открывают» необходимую для согласования их решений информацию.

Своеобразие австрийской школы заключается в оценке роли сознания в процессе координации экономической деятельности. Австрийцы заложили основы субъективистской концепции человеческой деятельности, «согласно которой каждый человек пытается достичь цели, с которой связывает какую-либо субъективную ценность, так что, ориентируясь на эту цель и будучи подстегиваем ее субъективной ценностью, он составляет и приводит в исполнение план действий, включающий последовательность этапов, которые он считает необходимыми для достижения цели» [8, с. 58].

Субъективистская концепция человеческой деятельности предполагает, что каждый человек действует сознательно, анализируя появляющиеся возможности извлечения прибыли. Однако сознательные действия хозяйственных субъектов зачастую приводят к непреднамеренным и непредвиденным для них последствиям. В результате сознательных действий отдельных участников хозяйственного процесса, согласно австрийской теории, формируется стихийный порядок. Так, с позиции субъективизма была сформулирована теория стихийного (эволюционного) возникновения общественных институтов — экономических, правовых, языковых и др.

Впервые эту идею сформулировал австрийский маржиналист К. Менгер. В его понимании проблема координации экономической деятельности представлялась аналогичной процессу естественного отбора, происходящему на уровне социально-экономической системы в целом. Такой подход утвердился в экономической теории под названием концепции «органической эволюции». Суть ее сводится к обоснованию возникающих координационных структур как результата действий индивидов, но не их желаний или оценок целесообразности, т. е. на основе приоритета объективных факторов эволюции. Индивидуальная деятельность рассматривается сознательной и подчиненной достижению сознательно поставленных целей; при этом общество рассматривается «как процесс... стихийный и тем самым не являющийся продуктом сознательного замысла» [8, с. 40]. Так, отрицая «бесплодный объективизм» английской классической политэкономии, представители австрийской школы приходят, однако, к аналогичным выводам о наличии в системе социальных взаимодействий закономерностей, приводящих к формированию экономического порядка, независимо от намерений отдельных участников.

Этот вывод созвучен широко используемому в современной неоклассической теории образу невидимой руки, разработку концепции которого принято относить на счет достижений английской классической школы.

Трактовка невидимой руки претерпела в истории экономической мысли существенную эволюцию. А. Смит использовал этот образ при объяснении мотивов инвестирования капиталистом собственных средств в отечественную промышленность. «Предпочитая оказывать поддержку отечественному производству, а не иностранному, — пояснял А. Смит, — он (капиталист — Н. П.) имеет в виду лишь свой собственный интерес, и осуществляя это производство таким образом, чтобы его продукт обладал максимальной стоимостью, он преследует лишь свою собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действенным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это» [6, с. 443].

Суждение о невидимой руке, направляющей к общему благу действия разных людей,

преследующих собственную выгоду, встречается в «Богатстве народов» лишь в приведенной цитате. В отличие от доминирующей в современной экономической теории неоклассической интерпретации А. Смита не обосновывал данный образ в качестве объективного механизма координации экономической деятельности. Напротив, в соответствии с общественным сознанием того времени, невидимая рука олицетворяла теистический образ.

Выбор капиталиста между вложениями в отечественную и иностранную промышленность обсуждается в «Богатстве народов» при условии, что норма прибыли за рубежом выше. Тем не менее автор не поощряет стремления к максимизации прибыли и предлагает моральный критерий выбора: предпочитая оказывать поддержку отечественному производству, а не иностранному, владелец капитала, подчеркивает Смит, ведом «невидимой рукой», которая направляет действия всех людей к общему благу.

«Годичный труд каждого народа представляет собою первоначальный фонд, который доставляет ему все необходимые для существования и удобства жизни продукты, потребляемые им в течение года и состоящие всегда или из непосредственных продуктов этого труда, или из того, что приобретается в обмен на эти продукты у других народов» [6, с. 65]. С этих слов начинается «Исследование о природе и причинах богатства народов». По мере роста годового фонда труда множится общественное богатство. Но применение труда в современном обществе невозможно без инвестирования капитала. «Число полезных и производительных рабочих... зависит везде от количества капитала, затрачиваемого на то, чтобы дать им работу, и от особого способа его употребления» [6, с. 66]. Вывоз капитала за рубеж приводит к сокращению численности занятых производительным трудом и, соответственно, к уменьшению богатства народов. Поэтому А. Смит отстаивает выбор в пользу отечественной промышленности, несмотря на потери капиталистов в краткосрочной прибыльности.

В «Теории нравственных чувств» А. Смит определяет этические основания человеческой деятельности, опираясь на которые общество либо процветает и благоденствует, либо только существует и поддерживается, либо разрушается. «Все члены человеческого общества нуждаются во взаимных услугах... Когда взаимные услуги вызываются взаимною же любовью, благодарностью, дружбой, уважением, то общество процветает и благоденствует... Но даже и

в таком случае, когда необходимое содействие друг другу не вызывается такими великодушными и бескорыстными побуждениями, когда между различными членами общества даже нет ни взаимной любви, ни расположения, то из этого вовсе еще не следует, что общество находится в разложении. Общество все-таки может в подобном случае существовать, как оно существует среди купцов, сознающих пользу его и без взаимной любви: хотя человек и бывает тогда связан с другим человеком только обязанностями или связями, основанными на долге, общество тем не менее может поддерживаться при содействии корыстного обмена взаимными услугами, за которыми всеми признана известная ценность.

Однако общество не может просуществовать долго, если в нем люди всегда готовы нанести друг другу обиду или вред. В ту самую минуту, когда начинаются оскорбления, поднимаются взаимная вражда и негодование друг против друга, общество разделяется; различные члены, составляющие его, как бы распадаются и рассеиваются далеко один от другого силою и сопротивлением противоположных стремлений и таких же интересов» [7, с. 101].

Взаимовыгодный обмен позволяет поддерживать экономический порядок. Однако Смит подчеркивает потенциальную опасность корыстного интереса, не считающегося с интересами других людей и общества в целом. Вопреки неоклассическим интерпретациям так называемой аксиомы Смита, будто ничем не ограниченные эгоистические интересы служат общему благу, авторская позиция состоит в том, что процветание и благоденствие любого народа зависит от полноты реализации в общественной жизни нравственной добродетели. Любовь и уважение, доверие людей друг к другу — то, что в современной экономической теории именуется понятием социального капитала, составляет основу устойчивого экономического порядка и процветания общества в учении А. Смита.

Согласно специальному исследованию, проведенному С. Губановым, теистическая трактовка Смитом невидимой руки не подвергалась сомнению в экономической теории вплоть до середины XX в. В первом издании учебника П. Самуэльсона «Экономикс» (1948) принцип невидимой руки еще называется мистическим: «Даже Адам Смит, проницательный шотландец, чья монументальная книга „Богатство народов” (1776), представляет начало современной экономической теории или политической экономии — даже он был настолько воодушевлен

обнаружением порядка в экономической системе, что провозгласил мистический принцип „невидимой руки”: что каждый индивид при преследовании своей собственной выгоды ведом, как если бы направлялся невидимой рукой, к достижению наибольшей общественной пользы...» [1, с. 67]. Однако начиная с третьего издания (1955) и в последующих, авторских и соавторских, П. Самуэльсон заменяет теистический образ рыночным, «невидимую руку Провидения» принципом *laissez-faire*: «Это был проект деификации рынка, апологетического обожествления частной собственности и свободной конкуренции, канонизации буржуазного либерализма, оборотной стороной которого выступает тоталитаризм по отношению к труду и рабочему классу» [1, с. 69].

Учение о гармонии интересов занимает центральное место в современных либеральных экономических доктринах. Доказательству этого положения фактически посвящена первая теорема новой теории общественного благосостояния. Наиболее настойчиво эти идеи отстаиваются чикагской школой неоклассического анализа и неоавстрийской школой. Л. Мизес утверждает, что в рыночной экономике не существует конфликта между интересами покупателей и продавцов, поскольку добровольная рыночная сделка всегда выгодна обеим сторонам. Отсутствие конфликта интересов объясняется благотворной ролью разделения труда, послужившего росту индивидуальной и общественной производительности, и конкуренции товаропроизводителей. «Место биологической конкуренции, — отмечает Мизес, — занимает каталактическая (рыночная — Н. П.) конкуренция. Это ведет к гармонии интересов всех членов общества. Обстоятельство, из которого возникают неразрешимые конфликты биологической конкуренции, а именно тот факт, что все люди стремятся, вообще говоря, к одним и тем же вещам, трансформируется в фактор, приводящий к гармонии интересов» [4, с. 631]. Благотворную роль конкуренции в согласовании деятельности хозяйствующих субъектов Мизес объясняет тем, что рыночная конкуренция стимулирует рост масштабов производства и снижение на этой основе издержек «до такой степени, что они (товары — Н. П.) становятся доступны по низким ценам» [4, с. 632].

Характерной чертой «органической концепции» координации экономической деятельности в рыночном хозяйстве является отрицание не только возможности, но даже и необходимости сознательного выбора целей общественного развития. По Мизесу, социаль-

ная эволюция не может быть изучена в терминах закона и цели. Она состоит из отдельных действий и является столкновением различных целей [3, с. 133-142]. По Хайеку, рыночный механизм относится к разряду таких институциональных устройств, посредством которых формируется общая система представлений, и действия отдельных участников хозяйственного процесса соединяются для достижения общественно значимых целей.

В работе «Пагубная самонадеянность» Ф. Хайек отмечает: «Такие институты по сбору информации, как рынок, позволяют нам использовать рассеянное незримое знание для формирования надындивидуальных схем. После того как институты и традиции, основанные на такого рода надындивидуальных схемах, получили развитие, стремление к согласию относительно какой-то общей цели... перестало быть обязательным, поскольку широко рассеянные среди людей знания и навыки теперь вполне можно было пускать в ход для достижения самых разнообразных целей» [10, с. 30-31].

Главным условием существования благопорядочного экономического порядка на основе свободного взаимодействия частных интересов, по мнению Хайека, является готовность людей без принуждения следовать нормам социального поведения и традициям, сложившимся в обществе. Это одна из центральных идей эпохи Просвещения. В работе «Индивидуализм и экономический порядок» Ф. Хайек ссылается на высказывание Э. Бёрка, которого Адам Смит характеризовал как единственного из всех известных ему людей, чьи мысли по экономическим предметам полностью совпали с его собственными [9, с. 4-5]. Подчеркивая роль моральных принципов, Э. Бёрк отмечал: «Подготовленность людей к гражданской свободе прямо пропорциональна их расположенности накладывать моральные цепи на собственные аппетиты; и пропорциональна тому, насколько их любовь к справедливости выше их жадности; пропорциональна тому, насколько их здравое и трезвое мышление выше их тщеславия и самонадеянности; пропорциональна тому, насколько они предрасположены предпочитать советы мудрых и добродетельных лести плутов» [9, с. 30].

Проблема целеполагания занимает значительное место в теории свободного предпринимательства И. Кирцнера. Цели деятельности хозяйствующих субъектов, по Кирцнеру, появляются в результате обнаружения новых возможностей извлечения прибыли. Осознание

этих возможностей порождает новую информацию о наличных целях и средствах их достижения, которая неизбежно имеет субъективный характер, рассредоточена между множеством людей и недоступна для восприятия других субъектов, незнакомых с конкретными обстоятельствами времени и места, в том числе центральных планирующих органов или научного сообщества. Осознание индивидуальными участниками новых возможностей приводит к рассогласованности в действиях и запускает стихийный процесс координации.

Среди австрийцев, однако, не существует единства мнений относительно роли неэкономических факторов поддержания экономического порядка. И. Кирцнер, опираясь на признание стимулирующей роли предпринимательской прибыли, подвергает сомнению позитивную роль государственного регулирования с целью достижения согласованности действий составляющих общество индивидов. «В условиях государственного руководства вообще не понятно, чем (при отсутствии всеведения) заменить стимулирование прибылью, — не просто, чтобы ускорить использование возможностей, желательных с общественной точки зрения, но и чтобы привлечь их внимание к самому их существованию» [2, с. 244-245].

Если И. Кирцнер считает бдительность предпринимателей в отношении возможности извлечения прибыли более надежной гарантией эффективной координации экономической деятельности, то Ф. Хайек подчеркивает роль неформальных институтов, а «непринудительные обычаи и условности», присущие социальным взаимодействиям, рассматриваются им как «неотъемлемые факторы сохранения упорядоченной работы человеческого общества». «Для функционирования индивидуалистического общества, — отмечает Ф. Хайек, — столь же важны... те традиции и обычаи, которые складываются в свободном обществе и, не будучи принудительными, создают гибкие и обычно соблюдаемые правила, делая поведение окружающих людей достаточно высоко предсказуемым. Готовность подчиняться таким правилам не только когда человек понимает их обоснованность, но до тех пор, пока он не находит веских доводов против них, является важнейшим условием постепенной эволюции и совершенствования норм социального взаимодействия» [9, с. 29].

Подход И. Кирцнера опирается на разделяемую многими представителями австрийской школы идею автоматической трансформации частных интересов посредством рыночного ме-

ханизма в общее благо [5, с. 121-132]. Ф. Хайек, напротив, привлекает внимание к «настоятельной потребности в правильно построенных институтах». Обсуждая идеи мыслителей, заложивших основы либерализма (Ф. Хайек называет их «великими индивидуалистами»), он отмечает: «Они не заявляли, ...как утверждают те, кто ныне искажает их мысли, что, независимо от действующих институтов, существует „естественная гармония интересов“. Они прекрасно осознавали конфликты индивидуальных интересов и подчеркивали настоятельную потребность в „правильно построенных институтах“, когда „правила и принципы по согласованию соперничающих интересов и нахождению компромиссов в том, что касается преимуществ“, примиряли бы конфликтующие интересы...» [9, с. 16-17].

Думается, что «предпринимательский нюх на прибыль» действительно является сильным мотивирующим фактором, однако он направлен исключительно на собственную выгоду, зачастую игнорирует потребности и интересы других субъектов хозяйства и общества в целом и, как показывает практика, может и не остановиться перед нанесением вреда.

В системе Ф. Хайека координация экономической деятельности имеет конкурентную природу, поэтому автор не отвергает, напротив, поддерживает деятельность государства, направленную на то, чтобы «делать конкуренцию настолько эффективной и благотворной, насколько возможно, и... дополнять ее там — и только там! — где сделать ее эффективной не удастся...» [9, с. 133]. С помощью определенных видов правительственной деятельности конкуренцию, полагает автор, можно сделать более эффективной и благотворной по сравнению с тем, какой она была бы без государственного вмешательства. Главное направление деятельности государства в этой сфере заключается в создании равных условий конкуренции, исключающих «возможность предоставления какой-либо одной группе такой власти, которая позволила бы ей всегда ставить свои взгляды и интересы выше всех остальных» [9, с. 17]. Задача государства не в том, чтобы ограничить стремление хозяйствующих субъектов к достижению собственных целей и интересов, но предоставить им свободу воспользоваться последствиями своих действий в отношении полученного другими людьми эффекта от этих действий. Такое понимание принципов либерализма Ф. Хайек называет истинным.

Позицию Ф. Хайека относительно роли государства можно назвать умеренной.

Спонтанный порядок, образующийся как непреднамеренный результат индивидуальных действий, составляет, по его мнению, отнюдь не весь, но «большую часть порядка, обнаруживаемого нами в людских делах» [9, с. 10]. Его подход к соотношению государства и рынка учитывает существование общественных благ, производство которых рынок не обеспечивает по той «очевидной причине», что невозможно ограничить потребление этих благ только теми, кто способен их оплатить. На этом основании Хайек считает «само собой разумеющейся» определенную поддержку безработных и малообеспеченных людей. «Интерес здесь представляет не вопрос, желательна ли такая поддержка или нет, но лишь то, в какой форме она будет меньше всего мешать функционированию рынка» [9, с. 136].

Ф. Хайек предлагает разграничить два подхода к объяснению природы процесса координации экономической деятельности. Первый подход, за который выступает сам автор, именуется им «конкурентным порядком»; второй подход, почти полностью противоположный авторскому, он называет «упорядоченной конкуренцией». «Цель конкурентного порядка — заставить конкуренцию работать; цель так называемой упорядоченной конкуренции — практически всегда ограничить действенность конкуренции» [9, с. 134]. Поэтому государство, по мнению Хайека, должно составлять только небольшую часть гораздо более богатого организма, называемого обществом.

Однако сведение к минимуму государственного вмешательства в общественную (в том числе экономическую) жизнь возможно только в обществе с сильными нравственными устоями. По мере снижения авторитета нравственных норм достижение экономического порядка невозможно без принуждения и, соответственно, роста той части общественного порядка, которая может или должна быть «сознательным продуктом человеческого разума». «...Только в обществе, где условности и традиции сделали поведение человека в значительной мере предсказуемым, — заключает Ф. Хайек, — насилие может быть сведено к минимуму» [9, с. 30].

Такой подход к соотношению спонтанного и сознательного порядка, государства и рынка далеко отстоит от представлений современных интерпретаторов учения Ф. Хайека. Идея Хайека о субъективном характере рассеянной среди членов общества информации, необходимой для принятия хозяйственных решений, по-видимому, вытесняет предпринятый им анализ места и роли формальных и неформальных

мальных правил и принципов в обеспечении благотворного экономического порядка на основе взаимодействия конкурирующих частных интересов. Так, У. де Сото, излагая идеи испанских схоластов, отмечает «истинно австрийский стиль» высказываний о несостоятельности правительства в вопросах координации общественно-экономической деятельности. «В самом деле, — утверждает автор книги, посвященной исследованию вклада основных представителей австрийской школы в формирование экономической мысли, — государство не имеет возможности получить информацию, которая требуется для того, чтобы его распоряжения обеспечивали координацию, а потому результатом его вмешательства оказываются только беспорядок и хаос» [8, с. 50]. Резюмируя вклад испанских схоластов, он отмечает: «В общем, схоласты испанского золотого века смогли сформулировать то, что позднее стало ключевыми теоретическими принципами австрийской экономической школы» [8, с. 51]. И среди наиболее существенных принципов отмечает «невозможность организовать общество на основе приказов и принуждения по причине отсутствия информации, которая могла бы обеспечить координацию на основе таких приказов» [8, с. 51]. Современная интерпретация основных идей австрийской экономической школы упрощает и обедняет существующие среди ее представителей подходы к анализу социальной природы координации экономической деятельности.

Австрийский подход к трактовке природы координации экономической деятельности справедливо относится к либеральным концепциям формирования экономического порядка. Вследствие установок на развитие конкуренции, свободу предпринимательской деятельности и минимизацию государственного вмешательства в экономику австрийская теория координации зачастую рассматривается как ультралиберальная, либертарианская. Думается, однако, что идеи либерализма применительно к социально-экономическим отношениям в современной экономической теории, включая и австрийскую, существенно отличаются от взглядов мыслителей, заложивших основы либерализма. Идеи истоки либерализма имеют гуманистическую природу. Гуманисты эпохи Возрождения и Нового времени утверждали идею гражданской свободы, считая равенство естественным состоянием человеческого общества, а принципы справедливости и человечности — желаемой нормой отношений между людьми. Либерализм

опирался на признание ценности человека как личности, его право на свободу и развитие, полагая благо человека критерием оценки социальных институтов. Однако с развитием буржуазного общества ранние гуманистические идеи были истолкованы в узком смысле — как равенство возможностей субъектов капиталистического хозяйства. В современных экономических концепциях либерализм связывается с признанием принципов частной собственности и свободы контрактов, т. е. отождествляется с ценностными ориентациями капиталистов и предпринимателей. Идеи либерализма о равенстве и справедливости трансформировались в догму о якобы существующей в рыночной экономике «гармонии интересов», ставшей основанием идеологии «рыночного фундаментализма». Согласно неолиберальным (либертарианским) взглядам, механизм свободного рынка создает наиболее благоприятные предпосылки для эффективной экономической деятельности и координации планов и действий экономически обособленных хозяйственных субъектов, рационального распределения ресурсов и наиболее полного удовлетворения существующих потребностей. Проблема видится лишь в том, что действие рыночного механизма свободной конкуренции не может быть обеспечено автоматически.

Вменение свободному рынку способности оптимальной координации экономической деятельности, возведение ценностей коммерциализованного общества в универсальную систему координат, определяющих человеческое поведение, составляет методологическую основу идеологии «экономического империализма». Критерии рыночной эффективности рассматриваются главными мотивами не только экономического, но и в целом социального поведения. В современных неолиберальных концепциях роль человека низведена до фактора производства, ценность которого по аналогии с вещественными факторами производства предлагается измерять потоком доходов, который он способен заработать. Причем предпринимательство противопоставляется трудовым ресурсам общества, частью которых является якобы специфическая творческая способность к новаторству в экономической сфере. Фактор производства «труд», в котором в обезличенной форме предстает подавляющее большинство членов общества, предполагается пассивным агентом экономических отношений с принципиалом — собственником земли, капитала и предпринимательских способностей. В неолиберальных концепциях

отношения между людьми вытесняются анализом товарных и финансовых потоков, динамика которых рассматривается в качестве самодостаточных показателей состояния экономической системы, степени ее эффективности и соответствия общественным потребностям. Динамика цен считается наиболее существенной экономической информацией, на основании которой хозяйствующие субъекты имеют возможность принимать правильные решения.

В оценке роли системы цен в процессе координации экономической деятельности австрийская школа разделяет позицию неоклассической экономической теории. «Это более чем метафора, — отмечает Ф. Хайек, — описывать систему цен как своеобразный механизм по регистрации изменений или как систему телекоммуникаций, позволяющую отдельным производителям следить только за движением нескольких указателей (подобно тому, как инженер мог бы следить за стрелками лишь нескольких датчиков), дабы приспособлять свою деятельность к изменениям, о которых они, возможно, никогда не узнают ничего сверх того, что отражается в движении цен» [9, с. 104]. Отличие от неоклассического подхода сводится лишь к признанию того, что «такие приспособления никогда не бывают совершенными в том смысле, в каком экономист представляет их себе в своем равновесном анализе» [9, с. 104].

Динамика цен, безусловно, сигнализирует об изменениях в спросе и предложении товаров и услуг, однако считать, будто изменение цен представляет собой самую существенную информацию, недальновидно. Уровень цен в экономической системе играет роль своего рода термометра: повышение или понижение температуры свидетельствует о наличии отклонений от желательного состояния, но не сообщает характера возникших проблем, т. е. не позволяет поставить диагноз.

Неоклассический подход, согласно которому возможность принятия хозяйственных решений на основе ограниченного объема информации признается в качестве одного из основных достоинств ценовой системы, является доминирующим в современной экономической теории. Его придерживаются и представители австрийской школы. «Наиболее важно в этой (ценовой — Н. П.) системе то, — отмечает Ф. Хайек, — с какой экономией знаний она функционирует, или как мало надо знать отдельным участникам, чтобы иметь возможность предпринять правильные действия» [9, с. 104].

Думается, однако, что это достоинство не следует абсолютизировать. Задача не в том, чтобы ограничить знание и, соответственно, понимание происходящих событий, но исключить несущественную информацию, учет которой лишь затрудняет (увеличивает время, делает более дорогостоящим) принятие хозяйственных решений. Не анализируя причины происходящих в экономической системе изменений, замыкаясь на проблеме рационального выбора среди быстро меняющихся обстоятельств места и времени, можно не заметить нарастания негативных тенденций и лишиться возможности им противодействовать. В этом смысле борьбу с инфляцией в качестве приоритетной цели экономической политики (т. н. таргетирование инфляции) в тех случаях, когда она не относится к разряду гиперинфляции, можно уподобить действиям, направленным исключительно на снижение температуры независимо от причин, ее порождающих.

Ф. Хайек подчеркивает роль практического знания конкретных условий времени и места и его использования в эффективном функционировании экономической системы. И задается вопросом о том, «какое институциональное устройство необходимо для того, чтобы неизвестные лица, обладающие более всего подходящим для той или иной задачи знанием, с наибольшей вероятностью привлекались для ее решения» [9, с. 115]. Именно в способности к мобилизации коммерческой (практической) информации он видит преимущество конкурентного порядка по сравнению с централизованным планированием. Ф. Хайек признает, что в той мере, в какой речь идет о научном знании, орган из хорошо подобранных экспертов способен «наилучшим образом распорядиться всеми наилучшими знаниями». Однако замечает, что кроме научного знания существует масса весьма важного, но неорганизованного знания особых условий времени и места. Это практическое знание существует не в централизованной форме, а только в форме рассеянных частиц неполных и часто противоречивых знаний, которыми обладают все люди. Вопрос о наилучшем способе использования «рассеянного» знания он относит к разряду центральной проблемы координации экономической деятельности и построения эффективной экономической системы.

Знание местных условий и особых обстоятельств хозяйственной деятельности, безусловно, имеет важное значение для функционирования экономической системы. Однако, думается, адаптация к изменениям едва ли

возможна исключительно на основе практического знания. Исторический опыт показывает, что возможности человечества реагировать на изменения в окружающей среде существенно возросли именно благодаря достижениям в научной сфере. Эффективная экономическая система основывается на использовании как научного, так и практического знания, которое следует не противопоставлять, а синтезировать. Эффективная экономическая система не может обеспечиваться каким-либо одним из механизмов координации экономической деятельности — планом или рынком, государственным регулированием или конкурентной борьбой товаропроизводителей, организацией или самоорганизацией экономических субъектов, но должна предусматривать их оптимальное сочетание.

Ф. Хайек относит конкурентную борьбу товаропроизводителей к формам добровольного сотрудничества людей. Эта идея достаточно широко распространена и в современной экономической литературе. Думается, однако, что термин «сотрудничество» применительно к конкурентной борьбе неадекватно отражает социальную природу конкурентных отношений. Слово «конкуренция» происходит от латинского *concurrere* — «сталкиваться». Как экономическая категория конкуренция выражает отношения соперничества, борьбы между отдельными экономическими субъектами (конкурентами), заинтересованными в достижении одной и той же цели. Конкуренция в рыночной экономике представляет собой соперниче-

ство между предпринимателями за наиболее выгодные условия производства и сбыта товаров, в конечном счете — за получение наивысшей прибыли. Это форма экономического принуждения к рациональному хозяйствованию. Сотрудничество, напротив, предполагает совместный труд людей. Социальной природе сотрудничества наиболее адекватны отношения солидарности, причастности к объединенной по тем или иным признакам группе лиц. Это скорее отношения взаимной поддержки, чем борьбы и соперничества. В развитой экономической системе принуждение и сотрудничество не реализуются в чистом виде и ни в одной из форм координации экономической деятельности не отсутствуют полностью.

В целом, несмотря на существующие расхождения, в основных теоретических выводах австрийская школа солидарна с неоклассикой. Вслед за теоретиками неоклассической парадигмы представители австрийской школы обосновывают позитивную роль рыночного механизма, акцентируя, однако, внимание не на рыночном равновесии, а на рыночном процессе, его движущих силах, посредством которых реализуется тенденция к равновесию. Австрийская теория не столько противостоит, сколько дополняет неоклассическую экономическую теорию разработкой механизмов, посредством которых экономическая система стремится к достижению тех совершенств, которые в неоклассике считаются достигнутыми самим наличием рыночной системы хозяйствования.

Список источников

1. Губанов С. Трудовая парадигма. А. Смит против «неоклассики» // *Экономист*. — 2009. — № 3. — С. 57-80.
2. Кирицнер И. Конкуренция и предпринимательство : пер. с англ. — Челябинск: Социум, 2010. — 272 с.
3. Мизес Л. Теория и история. Интерпретация социально-экономической эволюции : пер. с англ. — М.: ЮНИТИ, 2001. — 392 с.
4. Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории : пер. с англ. — Челябинск: Социум, 2005. — 878 с.
5. Половинкина Н. В. Принципы согласования экономических интересов // *Журнал экономической теории*. — 2009. — № 1. — 150-169.
6. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов : пер. с англ. — М.: Эксмо, 2007. — 960 с.
7. Смит А. Теория нравственных чувств : пер. с англ. — М.: Республика, 1997. — 351 с.
8. Уэрта де Сото Х. Австрийская экономическая школа. Рынок и предпринимательское творчество : пер. с англ. — Челябинск: Социум, 2007. — 202 с.
9. Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок : пер. с англ. — Челябинск: Социум, 2011. — 394 с.
10. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма : пер. с англ. — М.: Новости, 1992. — 304 с.

УДК 330.01

Ключевые слова: конкуренция, адаптация, знание, предпринимательство, стимулы, экономический порядок